

Екатерина Мордвинцева

**АДСКАЯ ЛЮБОВЬ,
ИЛИ ДЕМОН В ЛЮБВИ
НЕ ПОМОЩНИК**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.
М79 Адская любовь, или Демон в любви не помощник / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет, , 2026. – 208 с.

ISBN 978-5-524-00379-9

Что делает женщина, когда мир, который она строила годами, рушится в одночасье? Алиса делает то, на что никогда бы не решилась в здравом уме. Она взывает к древней силе. Не за мезтью, не за славой. За любовью. Но магия оборачивается иной стороной: тот, кого она призвала, оказывается не бездуш- ной сущностью, а существом, уставшим от вечности и скуки. Теперь им предстоит выстроить общую реальность в старой квартире, полной призраков прошлого, с двумя собаками, которые первыми приняли в свою стаю нового члена.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00379-9

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Глава 1

День начался не просто плохо. Он начался с предчувствия. С того самого липкого, серого ощущения, которое оседает где-то под рёбрами с утра и шепчет: «Сегодня всё пойдет наперекосяк». Будильник, звенящий в крошечной тьме, потому что «срочный отчет» – который Олег Борисович запросил ещё в прошлый четверг и благополучно забыл – нужно было доделать к утреннему совещанию. Я сидела за кухонным столом в холодной квартире, вцепившись в чашку с кофе, который не мог прогнать острую дрожь недосыпа. На экране ноутбука плясали цифры, сливаясь в безликие графики. За окном ещё не рассвело.

Автобус опоздал. Метро было переполнено до состояния консервной банки, где каждый – селёдка, вынужденная чувствовать дыхание и локти десятков других селёдок. Мужчина в дорогом пальто, не глядя, наступил мне на ногу острым каблуком и даже не обернулся. Боль, тупая и обиженная, пульсировала в ступне. Я смотрела в запотевшее окно вагона на мелькающие во тьме туннеля огни и думала: «Зачем?»

Работа. Пять лет в этой компании. Сначала – амбициозный младший аналитик, готовая горы свернуть. Потом – старший специалист, умело гасящий чужие костры. А теперь – просто Алиса, уставший винтик в механизме, который скрипит всё громче. Моё утро начиналось с отчёта и заканчивалось им же. Между ними – бесконечные совещания-спектакли, где важнее было не решить проблему, а красиво доложить о её «прогрессирующем решении», интриги коллег, мечтающих занять твоё кресло, и постоянный, фоновый гул недоумения: «Неужели ради этого я училась, мечтала, старалась?»

В четыре часа дня этот гул превратился в оглушительный рёв в моей голове. Я стояла в кабинете Олега Борисовича, и его голос доносился будто сквозь вату.

—...абсолютно не соответствует ожиданиям! Где драйв? Где проактивность? — он размахивал распечаткой моих слайдов, будто это был не отчёт о продажах, а обвинительный акт.

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь жалюзи, поймал пылинки, танцующие в воздухе. Я засмотрелась на них. Такие лёгкие, такие свободные. А я здесь. Стою. И слушаю, как меня обвиняют в том, что я не вдохновила команду на «холодные звонки» — процедуру, по своей унизости сравнимую разве что с телепродажами скороварок.

— Олег Борисович, — мой собственный голос прозвучал странно спокойно, отстранённо, будто его издавало не моё тело. — Команда исчерпала лимит психологической устойчивости на прошлой неделе, после того как клиент посоветовал Анне «сжечь своё резюме и пойти в уборщицы». Данные по звонкам — лишь следствие. Я указывала на это в сопроводительной записке.

— Не нужно мне вашей психологии! — он швырнул бумаги на стол. — Нужны цифры! Результаты! Вы что, думаете, бизнес строится на жалости?

В груди что-то оборвалось. Не трос, а какая-то тончайшая, последняя нить, которая ещё связывала меня с этим местом, с этим человеком, со всей этой абсурдной игрой. Я почувствовала не ярость. Я почувствовала пустоту.

Обширную, холодную и безэховую, как антарктическая равнина. Всё, что копилось годами — раздражение, усталость, попытки быть умнее, гибче, терпимее — провалилось в эту пустоту без следа.

Я посмотрела на Олега Борисовича. Не как на начальника, а как на биологический объект. На его лоснящуюся кожу, на золотую заколку на галстук, на маленькие, беспокойные глазки. И меня охватила не ненависть, а бесконечная, всепоглощающая скука. Скука от его заезженных фраз, от этой комнаты с пафосной мебелью, от предсказуемости всего этого действа.

– Вы знаете, – сказала я, и тишина после моего голоса повисла густая, осязаемая. Он замер, ожидая продолжения оправданий. – Вы абсолютно правы. Бизнес не строится на жалости. И знаете что ещё? Моя жизнь тоже.

Я сделала шаг к столу. Не порывистый, а медленный, уверенный. Положила перед ним свой пропуск. Пластиковая карточка с нелепо улыбающимся фото легла на полированное дерево с тихим щелчком.

– Я увольняюсь. С сегодняшнего дня. Прямо сейчас.

Его лицо совершило забавное путешествие от гнева к недоумению, затем к проблеску паники («кто же теперь будет делать отчёты?») и, наконец, к напускному высокомерию.

– Алиса, это несерьёзно. У вас контракт, проекты... Вы не можете просто взять и...

– Могу, – перебила я мягко. Взяла со стола свой блокнот, ручку с надкушенным колпачком. Всё своё. Фирменную кружку с логотипом компании я оставила. Пусть стоит тут, как памятник моим пяти годам. – Все текущие задачи описаны в файле «Передача дел» на общем диске.

Пароль от моего архива – «холодные звонки123». Иронично, да?

Я развернулась и пошла к двери. Спина была прямая. Я ждала, что он крикнет, прикажет остановиться, пригрозит судом. Но за спиной повисла лишь гробовая тишина. Он был слишком ошеломлён. Я вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь. Щёлк замка прозвучал громче любого хлопка.

В открытом пространстве офиса воцарилась мёртвая тишина. Десятки глаз, прилипших к мониторам секунду назад, теперь предательски скользили в мою сторону. Я прошла мимо рядов столов, как по подиуму. Не спеша.

Подошла к своему бывшему рабочему месту. Огляделась: семейное фото в рамке (Миша и я в прошлом отпуске), засохший кактус, которого я упорно пыталась сохранить, пачка ярких стикеров, папка с надписью «Когда-нибудь». Жизнь в коробке размером метр на метр.

Я сложила фото и кактус в просторную сумку. Стикеры оставила. Папку «Когда-нибудь»... открыла. Там были эскизы дизайна для маленькой кофейни, которую я когда-то мечтала открыть, распечатанные статьи о курсах реставрации книг, несколько своих старых, наивных стихов. Я улыбнулась. И бросила папку в мусорную корзину. Со звонким, финальным стуком.

– Алис, ты чего? – прошептала Света с соседнего «кабины», её глаза были круглыми от ужаса и восхищения.

– Улетаю, Свет, – сказала я, и улыбка наконец-то стала настоящей, широкой, почти безумной от облегчения. – Вырываюсь из матрицы. Всем терпения и проактивности.

Я шла к лифту, и с каждым шагом будто сбрасывала невидимые гири. С плеч, с поясницы, с щиколоток. Воздух, пахнувший кондиционером и дешёвым кофе, вдруг показался мне сладким. Лифт, плавно и бесшумно доставивший меня вниз, был похож на капсулу для побега.

Турникет пропустил меня последний раз, пискнув на прощание. И вот оно. Улица. Вечер. Прохладный ветерок, несущий обещание скорой весны, но сейчас ещё цепкий и холодный. Я остановилась на ступеньках, закрыла глаза и вдохнула полной грудью. В лёгкие ворвалась смесь выхлопов, влажного асфальта и сладковатого дыма от каштанов с ближнего лотка. Запах свободы. Или, как минимум, запах иного выбора.

В кармане завибрировал телефон. «Любимый». Миша. Сердце, привыкшее замирать от этой надписи, просто ровно и скучно простучало в грудной клетке. Я представила его голос: спокойный, рассудительный. «Алис, ты чего? Опять на нервах? Поговори с начальником, всё уладится. Не драматизируй». Он не поймёт. Не сразу. Но я объясню. Вечером, дома. Мы всё обсудим. Возможно, это знак – начать всё с чистого листа. Вместе.

Но прежде – дом. Дом. Где сейчас, закрытые в четырёх стенах, меня ждут двое самых преданных существ на свете. Тень и Буря.

Мысль о них обожгла теплом и острой, щемящей нежностью. Они не спросят про отчёты. Не осудят за импульсивность. Они встретят меня так же, как встречают всегда: Буря – вихрем восторженного лая, подпрыгивая и пытаясь лизнуть в подбородок, Тень – сдержанно, но неотрывно следя за каждым моим движением, тычась влажным носом в ладонь. Им нужна еда, вода, долгая вечерняя прогулка в парке, где Буря будет носиться за голубями, а Тень – важно вышагивать рядом со мной, как телохранитель. Простые, ясные, честные потребности. В них было больше смысла, чем во всех квартальных планах вместе взятых.

Я поправила сумку на плече и решительно зашагала к автобусной остановке. Тень и Буря уже нарисовались в воображении так ярко, что я почти физически ощущала под пальцами шелковистую шерсть самоеда и плотную, короткую шерсть стаффа. Всё остальное – страх перед пустым счётом, недоумение родителей, необходимость искать новую работу – отодвинулось куда-то на задворки сознания, потеряв свою остроту.

Сейчас главное – добраться до них. До своей квартиры-крепости, до своего маленького, немного, но безусловно любящего мира. Остальное... остальное как-нибудь потом. Всё будет хорошо. Должно же быть.

Я села в подъехавший автобус, поймав в окне своё отражение: бледное лицо, тёмные круги под глазами, но в этих глазах, наконец-то, появилась не только усталость, а какая-то решимость. Или её призрак. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 2

Автобус плелся в вечерних пробках, и каждая минута пути растягивалась, как горячая смола. Тот самый подъем, эйфория от своего смелого поступка, начал потихоньку оседать, уступая место смутной тревоге. А что, если Миша не поймет? Что, если он увидит в моем увольнении не шаг к свободе, а безрассудство? Я тряхнула головой, отгоняя мысли. Нет. Он мой жених.

Он любит меня. Он всегда говорил, что главное – быть счастливой. Сейчас я была скорее опустошенной, чем счастливой, но это был шаг в правильном направлении. Он должен был это оценить.

Я почти бежала от остановки до своего дома – старого кирпичного пятиэтажного «сталинского» дома с толстыми стенами и высокими потолками. Бабушкина квартира на третьем этаже. Моя крепость. Моё единственное настоящее наследство, смесь пахнущих нафталином воспоминаний и моих собачьих, ещё не прижившихся вещей.

Поднимаясь по лестнице, я уже мысленно представляла гвалт, который поднимется за дверью. Буря услышит мои шаги на площадке второго этажа – у нее невероятный слух – и начнет радостно повизгивать и скрестись лапами по полу в прихожей. Тень, солидный и сдержанный, будет молча ждать у самой двери, лишь постукивая тяжелым хвостом по половичку.

Я вставила ключ в замок. Повернула. Тишина.

Ни визга, ни стука хвоста, ни нетерпеливого поскуливания. Только гулкая тишина старого дома. Меня на секунду кольнуло недоумение. «Уснули, что ли?»

Я толкнула дверь и переступила порог. В прихожей стоял густой, мягкий сумрак. И в этом сумраке замерли две фигуры.

Тень и Буря.

Они не бросились мне навстречу. Они стояли бок о бок, преграждая путь в гостиную, как живой барьер. Буря, моё обычно белоснеж-

ное, пушистое облако, была вся ошетишена. Губы чуть оттянуты, обнажая крепкие белые зубы. Из её горла доносилось тихое, непрерывное ворчание – не игривое, а низкое, предупреждающее. Её хвост, обычно закрученный бубликом над спиной, был опущен и напряжен. Тень, моя чёрная тень, была воплощением ледяной концентрации. Она стояла, чуть выставив вперёд мощную грудную клетку, её мускулы играли под короткой шерстью. Голова опущена, взгляд прикован не ко мне, а к двери в спальню, которая была приоткрыта. Она молчала, но этот молчаливый, готовый к взрыву покой был страшнее любого рыка. Лишь её глаза, мелькнув в мою сторону на секунду, выразили что-то невыразимо сложное: тревогу, преданность и... предостережение.

Лёд тронулся где-то глубоко внутри, у самого сердца.

– Что с вами, ребята? – прошептала я, сбрасывая сумку. Моя рука сама потянулась к выключателю, но я замерла. И тогда я услышала.

Из-за приоткрытой двери спальни доносились голоса. Негромкие, но отчётливые в звенящей тишине квартиры. Голос Миши. И... смех. Звонкий, знакомый до боли смех. Леры. Моей Леры. Лучшей подруги со школы.

«Но... она же сегодня в смену, – тупо промелькнула мысль. – У неё суточные в больнице...»

Я застыла, как истукан. Ноги не слушались. Собаки не сводили с меня глаз, их ворчание стало единственным звуком в моей вселенной, пока я пыталась расшифровать обрывки фраз.

-...да, конечно, всё идёт по плану, – говорил Миша, его голос звучал так расслабленно, так самоуверенно, каким никогда не звучал со мной в последнее время. – Регистрация через три недели. После этого – стандартная процедура.

– А она? – голос Леры, чуть насмешливый, снисходительный. – Не заподозрит?

Мой жених. Моя лучшая подруга. В моей спальне. Обсуждают... «регистрацию». «План». «Её».

Воздух вдруг стал густым и липким, как сироп. Я не могла дышать.

– Что она может заподозрить? – Миша фыркнул. Звук этого фыркания, такого знакомого и такого вдруг чужого, пронзил меня насквозь. – Она сейчас целиком в своих проблемах с работой. Мечтательница. Витает в облаках. Да и квартиру она уже оформила. После свадьбы половина автоматически моя. А через полгода... ну, ты понимаешь. Несоответствие характеров. Она сама будет рада разбежаться.

«Полгода... разбежаться...»

– Главное – выдержать эти полгода, – сказала Лера, и в её голосе послышался металл. – Я уже не могу смотреть на её наигранный восторг по поводу «платьев и цветочков». И эту её дурацкую квартиру с хламом...

– Терпение, солнышко. Терпение и деньги делают своё дело. Потом сделаем ремонт, продадим или сдадим. Начнём всё с нуля. Как и хотели.

«Солнышко». Он называл так только меня. Или я так думала.

В ушах зазвенело. Зрение поплыло, края мира потеряли чёткость. Я обхватила себя руками, пытаюсь удержать в груди что-то, что грозило разорваться на миллионы острых осколков. Я смотрела на Тень и Буря. Они смотрели на меня. Их рычание смолкло. В глазах Тени была бездонная, собачья скорбь. Она всё знала. Они обе знали с самого начала, с того момента, как эти двое переступили порог. Чувляли ложь и подвох, который моё человеческое, доверчивое сердце отказалось признать.

Я сделала шаг. Потом ещё один. Ноги несли меня сами, будто по палубе тонущего корабля. Я прошла мимо своих псов, моих верных стражей, которые теперь лишь глухо заворчали, следуя за мной. Я подошла к двери в спальню. Рука сама легла на холодную фурнитуру.

И я толкнула дверь.

Они сидели на краю моей постели, на бабушкином лоскутном